

12. Рожин, Н. В. Проблема объективной достоверности знания в европейской философии (от Р. Декарта до Л. Витгенштейна) / Н. В. Рожин. — Минск : БГУ, 2001. — 246 с.

13. Запесоцкий, А. Теория культуры академика В. С. Степина / А. Запесоцкий. — СПб : СПбГУП, 2010. — 112 с.

14. Лойко, А. И. НБИКС-концепция: гуманизм или технократизм / А. И. Лойко // Наука — образованию, производству, экономике : материалы 16-й Междунар. науч.-технич. конф. — Минск : БНТУ, 2018. — Т. 4. — С. 4–5.

УДК 14:339.92(4/5)

© *Лариса Лойко*

доцент кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент

© *Larisa Loiko*

*Associate Professor of philosophy and ideological work department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs, PhD in philosophy, Associate Professor
e-mail: larisa.loiko@tut.by*

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ

В статье проанализированы методологические возможности моделей социальной коммуникации в условиях роста значения когнитивной лингвистики. Объектом анализа являются модели социальной коммуникации Лассуэлла, Шеннона-Уивера, Флера, Соссюра, Пирса, Морриса, Витгенштейна, Хабермаса. Показана эволюция коммуникативного пространства к правовой тематике, обусловленная конвергенцией информационной и нормативной компонент деятельности. Информационное пространство Беларуси также находится в стадии конвергенции различных практик социальной коммуникации. Это демонстрируют исследования отечественных авторов, в числе которых С. В. Венидиктов. Им предложена адаптированная к евразийскому региону модель медиапространства, в основе которой лежит методология интеграции интеграций.

Эффективность коммуникативного процесса зависит от наличия определенных характеристик всех элементов коммуникативной цепи. Формы и особенности их взаимодействия представлены моделями соци-

альной коммуникации в контексте их эволюции от линейной к социально-культурной репрезентации информации.

Модель американского политолога Г. Лассуэлла разработана в 40-е гг. XX в. Он стал одним из первых исследователей социальной коммуникации. Его модель описывает линейный однонаправленный акт коммуникации [1]. В ней выделяются и анализируются пять элементов массовой коммуникации. На этой основе автор формулирует аналитические исследовательские задачи.

Основным элементом является источник информации — коммуникатор, или человек, который передает сообщение. В аспекте анализа управления необходимо исследовать характеристики коммуникатора; факторы, способствующие улучшению его взаимодействия с аудиторией; причины возникновения самого акта коммуникации; специфику информации, формирующей сообщение. Информация анализируется с точки зрения ее содержания по параметрам контента, объема, сложности, композиции сообщения, частоты употребления, количества упоминаний в СМИ.

Предметом изучения являются также способ, средства и каналы передачи информации. Анализируется специфика возможных средств коммуникации, особенности и характеристики аудитории как получателя информации. Акцентируется эффект коммуникативного воздействия посредством анализа его результатов, фиксации частоты случаев принятия или отвержения информации, причины интереса или безразличия к содержанию сообщения.

Данная модель предполагает, что коммуникатор всегда старается повлиять на реципиента, убедить его. Это связано с ориентацией модели на преимущественное применение в области политической пропаганды. Г. Лассуэлл разработал ее на основе опыта ведения пропаганды в армейских подразделениях США в период Второй мировой войны.

Шумовая модель Шеннона-Уивера разработана в конце 40-х гг. XX в. по заказу лаборатории «Белл Телефон», что определило ее технический характер [2]. Модель представляет коммуникацию как линейный однонаправленный процесс. Авторы выделяют технические и семантические шумы, возникающие в процессе трансляции информации. Первые связаны с помехами в передатчике и канале, а вторые — с искажением передаваемых значений при восприятии содержания. Главная задача исследований предполагала снижение шума как дисфункционального фактора в обмене информацией. Примером искажения может являться наложение сигналов, одновременно проходящих через один канал.

Отправленное и полученное сообщения могут иметь неодинаковое значение, что затрудняет понимание в процессе коммуникации между социальными субъектами. К функциональным факторам относятся такие элементы коммуникативного процесса как: 1) источник информации, продуцирующий сообщение; 2) отправитель, кодирующий сообщение в сигналы; 3) канал, проводящий сообщение; 4) цель, или место назначения; 5) получатель.

В современной науке проблемы кодирования, трансляции и защиты информации исследуются в рамках физико-математической теории запутанности. Исследователи механизмов социальной коммуникации пришли к выводу, что в ней важную роль играет механизм обратной связи.

М. де Флер одной из первых предложила включить в качестве полноправного элемента коммуникативного процесса обратную связь. Она замыкает цепочку следования информации от источника до получателя петлей, повторяющей весь путь в обратном направлении, включая трансформацию значения под воздействием шума. Обратная связь дает коммуникатору возможность лучше приспособить свое сообщение к коммуникационному каналу, повысить эффективность его передачи и увеличить вероятность соответствия между отправленным и принятым значениями [3].

Прямая обратная связь возникает в ситуации непосредственного воздействия коммуникатора на аудиторию, а опосредованная — на основе оценки результатов ранее осуществленного воздействия. Например, в ситуации распространения информации с помощью СМИ обратная связь возникает не только от реципиента, но и от самого сообщения (звука, изображения на мониторе). Принципиальное отсутствие обратной связи можно отметить лишь в исключительных случаях общения больших социальных групп. Существенное внимание в данной модели уделяется осмыслению экономических, законодательных, политических, культурных условий, в которых разворачивается конкретный коммуникационный процесс.

Тенденцию учета обратной связи закрепила циркулярная модель коммуникации Шрамма-Осгуда [4]. Коммуникационный процесс трактуется как бесконечный, двусторонний, диалоговый. Его участники (отправитель и получатель) периодически (циклически) меняются ролями, следовательно, взаимодействуют друг с другом. На этой основе они оценивают реакции друг друга, корректируют свои действия и цели, интерпретируют значения передаваемых сигналов.

Проблеме интерпретации сообщения здесь уделяется особое внимание. Каждый участник коммуникации по-своему понимает смысл переда-

ваемого сообщения, что неизбежно порождает своеобразный «семантический шум» в коммуникационном процессе. Возникает задача минимизации его последствий в ситуации принятия решений. Механизмом повышения эффективности коммуникации выступает обратная связь. Поэтому в данной модели учитываются факторы, связанные с поведением, личностными особенностями, интеллектуальным потенциалом отправителя и получателя сообщения. Именно они кодируют, декодируют и интерпретируют информацию. Их объединяет набор информационных знаков.

В набор могут входить не только факты, но и эмоции, скрытые (латентные) значения, убеждения, субъективные оценки. В этой связи формулируется инструментальная задача — конвенционально установить «фонд используемых значений» как область, в которой опыт и рамки интерпретаций значений коммуникатора и реципиента соотносимы, а знаки распознаются ими одинаково. Успех коммуникации зависит от адекватности восприятия ее участников, границ и норм общения между ними, согласования ожиданий и практических действий.

Авторы других коммуникационных моделей — Р. Брэддок, Дж. Голдхаберг, Т. Ньюкомбо, Г. Малецки, А. Тэн, Дж. Гербнер, Р. Хоггарт, Р. Вильямс, С. Халл, Р. Якобсон — создали критическую массу концептуальных образов социальной коммуникации, сделавшую возможной разработку синтетической парадигмы социальной коммуникации на основе методологии дискурс-анализа аспектов вербального и невербального диалога.

Вербальная коммуникация транслирует результаты духовной деятельности — идеи, идеалы, ценности, императивы, запреты. Средства вербальной коммуникации — устная речь и письменный текст, закрепленные в языке.

Язык — система знаков, служащая средством человеческого общения, мышления и выражения. С помощью языка осуществляется познание мира и формируется самосознание личности. Язык является средством хранения и передачи информации и управления человеческим поведением. Мышление, речь, язык формируются исторически. В классификации естественных языков исследователи выделяют языковые семьи, ветви, группы; диалекты, наречия, говоры. В настоящий момент на планете насчитывается более 7 тысяч языков, но наибольшее распространение имеют 40 из них. Многие языки умирают. Увеличивается количество людей, говорящих на двух или более языках.

Белорусский язык относится к славянской группе балто-славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Это самая распространенная в мире языковая семья (более 2,5 млрд носителей). Выдающимся исследователем

белорусского языка стал уроженец Гродненской губернии Е. Ф. Карский (1861–1931). В своих трудах он по языковому признаку и с приведением обширных статистических данных описал территорию проживания белорусов на начало XX в. Белорусский язык является государственным в Республике Беларусь наряду с русским языком.

Невербальная коммуникация — общение без помощи слов. Она представлена двумя типами явлений. К первому типу относятся жесты, мимика, эмоции, тональность голоса, походка, танец (язык тела). Это естественные знаковые системы. Ко второму типу относятся искусственно созданные знаковые системы — материальные вещи, воплощающие социальные ценности и опыт; азбука Морзе, система нотной записи, языки программирования, системы сигнализации — звуками в службе охраны и в системе оповещения гражданской обороны, флажками на флоте, дымовой сигнализацией. Естественные невербальные системы первичны, а искусственные — вторичны.

Все программы коммуникативного взаимодействия представляют собой определенную целостность на конкретном этапе развития того или иного народа. Они закрепляются в особых типах знаковых систем. Свойства знаковых систем изучаются семиотикой.

Если язык — это функция говорящего субъекта, то речь — индивидуальный акт воли и понимания. Речевой акт имеет три составляющие: физическую (распространение звуковых волн), физиологическую (от уха к акустическому образу либо от акустического образа к движениям органов речи), психическую (акустические образы и понятия). Изучение речевой деятельности нужно начинать с изучения языка как общего основания всех речевых явлений. Ф. де Соссюр рассмотрел естественные языки как знаковые системы, создал лингвистическо-коммуникационную теорию значения знаков и назвал эту теорию семиологией [5].

Основные принципы семиотики сформулировал Ч. С. Пирс [6]. В своей типологии и классификации знаков он выделил три типа знаков: иконические, знаки-индексы и символические знаки.

Иконические знаки, или знаки-образы, имеют естественное сходство, подобие с обозначаемым объектом. В качестве иконического знака может выступать икона, картина, фотография, чертеж, карта местности. В языке к знакам этого типа принадлежат такие слова, которые по своему звучанию воспроизводят звуковые характеристики обозначаемых предметов, например, «треск», «звон», «жужжание».

Знаки-индексы, или знаки-признаки, имеют более сложный характер. Они обладают способностью передачи информации субъекту ком-

муникации в силу их доступности для непосредственного восприятия и необходимости для процесса взаимодействия людей. Примерами таких знаков являются столбик ртутного термометра, следовая картина, положение флюгера. В языке — это выражения, возникающие как реакции на внешние воздействия (междометия).

Символические знаки выражают условную связь между означаемым и означающим. Она является результатом договоренности (конвенции) между членами данного сообщества. Примерами символических знаков являются цвета светофора, большинство слов естественного языка. Физически они никак не связаны с обозначаемыми предметами. Смысл символа понятен лишь тем, кто знает его происхождение. Именно эти знаки играют решающую роль в речи, языке.

Ч. Пирс не только приводит логико-философскую классификацию знаков, но и сравнивает их коммуникативные характеристики. Наиболее простыми являются иконические знаки. Наиболее сложными — символические знаки. Именно они играют решающую роль в коммуникации, поскольку способны выполнять наиболее важную функцию коммуникативного взаимодействия — прагматическую. Они способны образовывать суждение, передавать информацию, оценочное отношение, детерминировать действие субъекта коммуникации.

Треугольник Огдена-Ричардса представляет собой модель взаимосвязи трех главных логико-лингвистических категорий: денотата, концепта и имени. Денотат или референт — объект реальной действительности, данный нам в ощущениях. Концепт или понятие, смысл, значение — мысленный образ, возникающий в сознании людей о данном объекте. Имя или слово, лексема — принятое в конкретном языковом сообществе наименование объекта [7].

Авторы показывают, что единство духовного и материального планов связывают содержание и выражение знака, что и составляет его структуру. Следовательно, коммуникационный знак — это социально признанное единство значения и имени, содержания и выражения. Конвенциональное признание в социуме обеспечивает понимание знаковых имен для реципиентов. Коммуникационный знак предстает в виде минимального текста или элементарного осмысленного сообщения. Оно может состоять из одиночного символа или языкового знака, но сообщения менее одного знака быть не может, ибо в нем не будет значения (плана содержания).

Модель семантического треугольника широко используется в гносеологии, например в дискуссии о первичности речи и мышления. Обычно

семантический треугольник относится к лексическому уровню, к словам естественного языка, но его можно распространить и на текстовый уровень, где знак представляет собой символ, аллегория или художественное произведение.

В своей знаковой концепции Ч. Моррис утверждал, что символы (знаки) соотносятся с объектом, субъектом (интерпретатором) и с другими знаками [8]. Отношение знака к объекту — предмет семантики, его иллюстрируют естественные науки. Отношение знака к субъекту — предмет прагматики, его акцентирует психология. Отношение знаков между собой — это синтаксис, его исследуют логика и лингвистика. Семантика, прагматика и синтактика составляют три раздела семиотики, проблемное поле которой охватывает три группы предметов и явлений, связанных с функционированием знаковых систем.

Ч. Моррис сформулировал основные принципы и понятия семиотики. Он показал, что знаковые системы выступают существенными основаниями бытия социальных систем и цивилизаций. В своей целостности язык — совокупность знаковых систем с фиксированным набором семантических, прагматических и синтаксических процедур. Вне реконструкции роли знаковых систем в общественной жизни невозможно адекватное понимание сущности человеческого разума и общественных образований.

Речь — вид коммуникативной деятельности человека, опосредованный языком. Речевой акт — отдельное целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе. Свойства речевого акта: интенциональность, целеустремленность, конвенциональность.

Дж. Сёрль представляет речевой акт прагматически — как двусторонний параллельный процесс говорения (порождения текста) и слухового восприятия (понимания текста) [9]. При письменном общении речевой акт охватывает соответственно писание и чтение. Под текстом понимается любое высказывание — от реплики до научной монографии. Он выделяет три фазы речевого акта: локутивную (что сказано?); иллюкутивную (что при этом имеется в виду?); перлокутивную (какая цель достигается?).

Структура речевого акта традиционно исследуется в контексте логико-лингвистической философии. Целостная и развитая теория речевых актов сложилась под влиянием представителей британской школы — Дж. Мура, Л. Витгенштейна. Благодаря их исследованиям философия обратилась к самому широкому изучению языка как феномена культуры.

Приведем несколько высказываний из «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать»; «истинность или ложность каждого предложения меняет нечто в общей структуре мира»; «человек обладает способностью строить язык, в котором может выразить любой смысл, не имея представления о том, как и что означает каждое слово»; «язык переодевает мысли» [10, с. 29, 44, 76].

В речевом акте участвуют говорящий и адресат как носители согласованных между собой социальных ролей и функций. Они обладают общими речевыми навыками и компетенциями, сформированными в конкретном социокультурном пространстве. Проблемы в общении возникают, если один из коммуникантов не понимает смыслов, актуальных для данного коммуникативного акта. Речевые акты всегда соотносены с личностью говорящего. В их структуру входит обстановка речи и тот фрагмент действительности, который отражается в высказывании.

Но возможно ли сохранить живую ткань социальности и одновременно постигнуть ее в научном анализе, в понятиях, которые улавливали бы специфику объекта в категориях когнитивной лингвистики?

Ю. Хабермас полагает, что решить эту задачу можно посредством обнаружения основного импульса к возникновению и эволюции человеческого рода. Помимо труда таковым он считает межличностное общение (интеракцию) [11]. Оно, как и труд, немислимо без языка: даже при молчаливом взаимодействии предполагаются языковые выражения. В языке закрепляется система социальных норм, которые регулируют деятельность, общение, поведение людей и признаются законными в пределах общего жизненного мира.

В прошлом можно обнаружить целый спектр исторических жизненных миров, содержание которых составляют не только рациональные элементы, но и моральные оценки, ожидания, переживания людей. Их изучение через матрицы языка, со всеми их смыслами и значениями, поможет понять прошлое и организовывать современную социальную действительность. Тем самым будет установлена обратная связь современной культуры с прошлым, традицией, повседневной практикой.

Поэтому целесообразно выделить общие структуры языка и через их призму проанализировать социальную реальность в ее историческом измерении. В результате Ч. Моррис, Д. Лукач, Ю. Хабермас ввели в методологический арсенал науки понятие дискурса как особого по форме и содержанию типа речевой коммуникации. Участники дискурса, во-первых, ориентированы на глубокий и всесторонний анализ предмета

обсуждения с непременным достижением консенсуса мнений, имеющих общественное звучание и значимость; во-вторых, располагают высокой собственной языковой культурой, предполагающей знание и использование основных правил построения речи, точную оценку смысла и значения слов, оперирование строго определенными понятиями; в-третьих, способны к творчеству.

Поскольку речевой акт — это коммуникативное действие, структурная единица языковой коммуникации, постольку последовательность речевых актов создает дискурс. В обществе одновременно сосуществуют различные дискурсы. Ч. Моррис выделил 16 типов дискурса — научный, мифический, технологический, логико-математический, фантастический, поэтический, политический, теоретический, легальный, моральный, религиозный, грамматический, космологический, критический, пропагандистский, метафизический. Особый тип дискурса, по мнению Ю. Хабермаса, формирует правовая деятельность. Ее языковые схемы институционализируют пространство социальной коммуникации на национальном и региональном уровнях диалога.

Синхронизация различных форм социальной коммуникации в рамках методологии интеграции интеграций стала предметом исследований в работах С. В. Вендиктова [12]. Автором показана важная роль в диалоге евразийских государств не только экономических институциональных структур деятельности, но и информационных структур коммуникации с учетом дигитализации медиапространства. Для информационного диалога евразийских государств создана социально-культурная среда на основе русского языка. Остается только реализовать правовую концепцию единого информационного пространства Евразийского экономического союза.

Таким образом, методология дискурс-анализа центрирует проблематику межкультурного диалога в рамках парадигмы социальной коммуникации в условиях общей для культурного пространства языковой среды. На этой основе обнаруживается необходимость более активного привлечения методологического потенциала современных когнитивных наук.

Список основных источников

1. Лассуэлл, Г. Коммуникативный процесс и его структуры / Г. Лассуэлл // Современные проблемы социальной коммуникации. — СПб., 1996. — 342 с.
2. Дорофеева, И. В. Модель Шеннона-Уивера и ее значение для развития теории коммуникации / И. В. Дорофеева // Языковой дискурс в социальной практике : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2013. — С. 49–53.

3. Корженко, А. А. Анализ распространения коммуникации в социальных сетях: модель Шеннона-Уивера и модель де Флера / А. А. Корженко, В. В. Петрущечкина // Ценности и интересы современного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — М. : РАН, 2014. — С. 86–91.
4. Подгорная, Л. Д. Теория коммуникации в социологическом контексте / Л. Д. Подгорная // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 5. — С. 87–99.
5. Беликов, В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. — 439 с.
6. Адамьянц, Т. З. Социальная коммуникация / Т. З. Адамьянц. — М. : Дрофа, 2009. — 204 с.
7. Бориснев, С. В. Социология коммуникации / С. В. Бориснев. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 270 с.
8. Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью / Т. М. Дридзе // Социальные исследования. — 1998. — № 10. — С. 44–50.
9. Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семосоциопсихологии / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. 1996. № 3. — С. 145–152.
10. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. — М. : Наука, 1958.
11. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — СПб. : Питер, 2000. — 412 с.
12. Венидиктов, С. В. Единый цифровой рынок в евразийском пространстве: возможности адаптации европейской модели / С. В. Венидиктов // Thesaurus : зб. навук. прац / Магілёўскі інстытут МУС. — Магілёў, 2016. — Вып. III. Інфармацыйна-прававое поле еўразійскай інтэграцыі. — С. 62–71.

Models of social communication: discourse analysis

The article analyzes methodological possibilities of social communication models in the context of the growing importance of cognitive linguistics. The object of the analysis are social communication models by Lasswell, Shannon-Weaver, Fleur, Saussure, Pierce, Morris, Wittgenstein, Habermas. The evolution of the communicative space to the legal theme is shown, due to the convergence of the informational and normative component of activity. The information space of Belarus is also at the stage of convergence of various social communication practices. This is demonstrated by studies of domestic authors. Among them S.V. Venidiktov. He has proposed a media space model adapted to the Eurasian region, which is based on the integration methodology.